

Письмо Р.И.Эйхе И.В.Сталину

27 октября 1939 г.

Совершенно секретно

Секретарю ЦК ВКП(б) И.В.Сталину

25 октября с.г. мне объявили об окончании следствия по моему делу и дали возможность ознакомиться с следственным материалом. Если бы я был виноват хотя бы в сотой доле хотя одного из предъявленных мне преступлений, я не прсмел бы к Вам обратиться с этим предсмертным заявлением, но я не совершил ни одного из инкриминируемых мне преступлений и никогда у меня не было ни тени подлости на душе. Я Вам никогда в жизни не говорил ни пол слова неправды и теперь, находясь обеими ногами в могиле, я Вам тоже не вру. Все мое дело это образец провокации, клеветы и нарушения элементарных основ революционной законности. О том, что против меня ведется какая-то гнусная провокация, я узнал еще в сентябре или в октябре 1937 года. В протоколах допроса обвиняемых, присланных из Красноярского края в порядке обмена другим краям, в том числе и Новосибирскому НКВД (в протоколе обвиняемого Ширшова или Орлова) был записан следующий явно провокационный вопрос: «не слышали ли Вы об отношении Эйхе к заговорщической организации?» и ответ: «мне сказал вербовщик, что ты еще молодой член контрреволюционной организации и об этом узнаешь потом».

Эта гнусная провокационная выходка мне показалась настолько глупой и нелепой, что я даже не считал нужным об этом писать в ЦК ВКП(б) и Вам, но если я был бы враг, ведь из этой глупой провокации я же смог бы построить неплохую маскировку для себя. Значение в моем деле этой провокации мне стало ясно только задолго после моего ареста, о чем я писал народному комиссару Л.П.Берия.

Второй источник провокации это новосибирская тюрьма, где при отсутствии изоляции сидели разоблаченные враги, арестованные с моей санкции, которые в озлоблении строили планы и открыто сговаривались, что «надо теперь посадить тех, кто нас сажает». По словам Горбача, начальника Управление НКВД, это выражение Ваньяна, ареста которого я активно добивался в НКПС. Имеющиеся в следственном моем деле обличающие меня показания не только нелепые, но содержат по ряду моментов клевету на ЦК ВКП(б) и СНК, так как принятые не по моей инициативе и без моего участия правильные решения ЦК ВКП(б) и СНК изображаются вредительскими актами контрреволюционной организации, проведенными по моему предложению. Это имеется в показаниях Принцева, Ляшенко, Нелюбина, Девица и других, причем следствие имело полную возможность на месте с документами и фактами установить провокационный характер этой клеветы.

Наиболее ярко это видно из показаний о моем якобы вредительстве в колхозном строительстве, выразившемся в том, что я пропагандировал на краевых конференциях и пленумах крайкома ВКП(б) создание колхозов-гигантов. Все эти выступления мои стенографировали и опубликованы, но в обвинении не приводится ни один конкретный факт и ни одна цитата и это никто никогда доказать не может, так как за все время своей работы в Сибири я решительно и беспощадно проводил линию партии. Колхозы в Западной Сибири были крепкими и по сравнению с другими зерновыми районами Союза лучшими колхозами.

Вам и ЦК ВКП(б) известно, как Сырцов и его оставшиеся в Сибири кадры вели борьбу против меня, создав в 1930 г. группу, которую ЦК ВКП(б) разгромил и осудил как беспринципную групповщину, но в обвинении мне приписывается поддержка этой группы и после отъезда из Сибири Сырцова руководство этой группой. Особо поразительный материал о создании мною к.р. латышской националистической организации в Сибири. Один из основных обвинителей меня не латыш, а литовец (сколько я знаю, не умеющий по-латышски ни читать, ни говорить) Турло, прибывший в Сибирь на работу в 1935 году, но показания о существовании к.р. националистической организации Турло дает, начиная с 1924 года (это очень важно для того, чтобы видеть, какими провокационными методами велось следствие по моему делу), причем Турло даже не указывает, от кого он слышал о существовании латышской националистической контрреволюционной организации с 1924 года. По протоколу Турло, он литовец, вошел в латышскую национ. к.р. организацию с целью отторжения от СССР территории и присоединения к Латвии. В показаниях Турло, Тредзена говорится, что латышская газета в Сибири восхваляла буржуазную Латвию, но не приводится ни одной цитаты и не указывают ни на один номер. Отдельно я должен сказать об обвинении меня в связи с германским консулом и в шпионаже.

Показания о банкетах у консула и якобы разложении актива дает обвиняемый Ваганов, прибывший в Сибирь в 1932 году или в 1933 году и начинает с 1923 года (это результат той же провокации, что и в показаниях Турло), описание банкетомании, разложения и т.д., причем опять без указания, от кого он это знает. Правда заключается в том, что когда я был председателем крайисполкома и в Сибири представителя НКВД не было, я два раза в году (в день принятия Веймарской конституции и в день подписания Рапалльского договора) бывал на приемах у консула, но это я делал по предложению Наркоминдела. Ответных банкетов я не устраивал и мне было даже указано на неправильность и некорректность такого поведения. Никогда ни на охоту с консулом я не ездил и разложения актива не допускал. Правильность моих слов может подтвердить и домработница, жившая у нас, и служащие хозяйственного отдела крайисполкома и шофера, ездившие со мной на машине. Нелепость этих обвинений видна еще из того, что если я был германский шпион, то германская разведка для сохранения меня должна была категорически запретить афиширование такой близости моей с консулом. Но ни к.р., ни шпионом я никогда не был. Каждый шпион, естественно, должен стремиться ознакомиться с наиболее секретными решениями и директивами. Вы неоднократно в моем присутствии говорили членам ЦК, что каждый член ЦК имеет право знакомиться с особой папкой П.Б., но я никогда не знакомился с особой папкой и это может подтвердить Поскребышев.

Провокацию о моем шпионаже в своих показаниях подтверждает бывший командующий СибВО Гайлит, и я вынужден Вам описать, как фабриковались эти показания.

В мае 1938 года майор Ушаков мне зачитывал выдержку из показаний Гайлита, что в выходной день Гайлит меня видел гуляющим вдвоем по лесу с германским консулом и он, Гайлит, понял, что я передаю германскому консулу полученные от него секретные сведения. Когда я указал Ушакову, что, начиная с 1935 года меня сопровождает комиссар и разведка НКВД, мне пытались навязать, что я на машине от них удрал, но когда выяснилось, что я и управлять машиной не умею, то меня оставили в покое. Теперь в деле моем вложен протокол Гайлита, из которого эта часть изъята.

Прамнек показывает, что он со мной установил контрреволюционную] связь во время январского пленума ЦК ВКП(б). Это наглая ложь. Я с Прамнеком никогда ни о чем не говорил и во время январского пленума ЦК ВКП(б), после окончания своего доклада тут же перед трибуной в группе секретарей крайкомов, которые требовали указать время, когда можно придти в НКЗ для разрешения ряда вопросов, имел следующий разговор. Прамнек меня спросил, когда можно придти в НКЗ и я ему назначил на другой день после 12 часов ночи, но он не пришел. Врет Прамнек, что я тогда болел, через секретарей и комиссара НКВД можно установить, что, начиная со дня выхода из больницы 11 января, я каждый день был в Наркомате до 3—4 часов утра. Чудовищность клеветы ясна и из того, что такой опытный заговорщик, каким изображен я, через месяц после ареста Межлаука устанавливаю безбоязненно связь по паролю Межлаука.

Н.И.Пахомов показывает, что еще во время июньского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года они с Прамнеком обсуждали вопрос, как использовать меня, как наркома земледелия, для к.р. организации. О предполагаемом моем назначении мне стало известно от Вас в конце октябрьского пленума 1937 г. и после окончания пленума я помню, что члены Политбюро не все знали об этом предположении. Как можно поверить такой провокационной клевете, которую показывают Пахомов и Прамнек?

Евдокимов говорит, что о моем участии в заговоре он узнал в августе 1938 года и что Ежов ему говорил, что он принимает меры, чтобы сохранить мне жизнь.

В июне месяце 1938 года Ушаков меня подверг жестоким истязаниям, чтобы я признался в покушении на Ежова, и оформлялись эти мои показания Николаевым не без ведома Ежова. Разве так мог бы поступить Ежов, если хоть слово правды было в том, что говорит Евдокимов?

На даче у Ежова вместе с Евдокимовым я был, но никогда меня Ежов ни другом, ни опорой не называл и не обнимал. Это может подтвердить Маленков и Поскребышев, которые тоже там тогда были.

Фриновский в своих показаниях открывает еще один источник провокации по моему делу. Он показывает, что будто бы узнал от Ежова о моем участии в заговоре в апреле 1937 г. и что Миронов (начальник НКВД в Новосибирске) тогда в письме запрашивал Ежова, что он, Миронов, «может выйти на Эйхе» по заговору, как участника заговорщической организации. Миронов приехал в Сибирь только в конце марта 1937 года и без материалов уже получал от Ежова предварительную санкцию, на кого вести провокацию. Любой человек поймет, что-то, что показывает Фриновский, есть не попытка меня прикрыть, а организация провокации против меня. Выше я подчеркнул в показаниях Турло и Ваганова года, с которых они начинают свои показания, несмотря на нелепость. Ушакову, который тогда вел мое дело, нужно было показать, что выбитые из меня ложные признания перекрываются показаниями в Сибири и мои показания по телефону передавались в Новосибирск.

С откровенным цинизмом это делалось и при мне, лейтенант Прокофьев заказывал телефон? с Новосибирском. Теперь я перехожу к самой позорной странице своей жизни и к моей действительно тяжкой вине перед партией и перед Вами. Это о моих признаниях в к.р. деятельности. Комиссар Кобулов мне сказал, что нельзя же было все это выдумать, и действительно я никогда не мог бы это выдумать. Дело обстояло так: не выдержав истязаний, которые применили ко мне Ушаков и Николаев, особенно первый, который ловко пользовался тем, что у меня после перелома еще плохо заросли позвоночники и причинял мне невыносимую боль, заставили меня оклеветать себя и других людей.

Большинство моих показаний подсказаны или продиктованы Ушаковым и остальные я по памяти переписывал материалы НКВД по Западной Сибири, приписывая все эти приведенные в материалах НКВД факты себе. Если в творимой Ушаковым и мною подписанной легенде, что-нибудь не клеилось, то меня заставляли подписывать другой вариант. Так было с Рухимовичем, которого сперва записали в запасной центр, а потом, даже не говоря мне ничего, вычеркнули, также было с председателем запасного центра, созданного якобы Бухариным в 1935 году. Сперва я записал себя, но потом мне предложили записать Межлаука В.И. и многие другие моменты.

Особо я должен остановиться на провокационной легенде об измене латвийского СНК в 1918 году. Эта легенда целиком сотворена Ушаковым и Николаевым. Никогда среди латвийских социал-демократов не было тенденции об отделении от России и я и все поколение рабочих моего возраста мы воспитывались на русской литературе, революционной и большевистской легальных и подпольных изданиях. Настолько вопрос об отдельном государственном советском организме как Латвийская советская социалистическая республика мне и многим казался диким, что на первом съезде советов в Риге я выступал против этого и я был не одинок. Решение о создании сов. республики было принято только после того, когда объявили, что это есть решение ЦК РКП(б).

В советской Латвии я работал только недели две и в конце ноября 1918 года уехал на Украину на подработку и был там до падения советской власти в Латвии. Рига пала потому, что фактически была почти окружена белыми. В Эстонии победили белые и заняли Валк, белые также взяли Вильно и Митаву и наступали на Двинск. В связи с этим Ригу было предложено эвакуировать еще в марте 1919 года, но она продержалась до 15 мая 1919 года.

Никогда ни на каких совещаниях контрреволюционеров ни с Косиором, ни Межлауком я не был. Те встречи, которые указаны в моих показаниях, происходили в присутствии ряда посторонних людей, которых можно опросить. Мое показание о к.р. связи с Ежовым является наиболее черным пятном на моей совести. Дал я эти ложные показания, когда следователь меня 16 часов допрашивая, довел до потери сознания, и когда он поставил ультимативно вопрос, что выбирай между двумя ручками (пером и ручкой резиновой палки), я, считая, что в новую тюрьму меня привезли для расстрела, снова проявил величайшее малодушие и дал клеветнические показания. Мне тогда было все равно, какое на себя принять преступление, лишь бы скорее расстреляли, а подвергаться снова избиениям за арестованного и разоблаченного к.р. Ежова, который погубил меня, никогда ничего преступного не совершившего, мне не было сил.

Такова правда о моем деле и обо мне. Каждый шаг моей жизни и работы можно проверить и никто никогда не найдет ничего другого, как преданность партии и Вам.

Я Вас прошу и умоляю поручить доследовать мое дело и это не ради того, чтобы меня щадили, а ради того, чтобы разоблачить гнусную провокацию, которая, как змея, опутала многих людей, в частности, и из-за моего малодушия и преступной клеветы. Вам и партии я никогда не изменял. Я знаю, что я погибаю из-за гнусной подлой работы врагов партии и народа, которые создали провокацию против меня. Моей мечтой было и остается желание умереть за партию, за Вас.

Эйхе

Подлинное заявление находится в архивно-следственном деле Эйхе

[Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. — М.: «Российская политическая энциклопедия» \(РОССПЭН\), 2002.](#)